

Юрий Балков

ПРОКЛЯТИЕ БААЛЬБЕКА

Степная повесть-поэма

Юрий Балков

**Проклятие Баальбека.
Степная поэма**

«Издательские решения»

Балков Ю. К.

Проклятие Баальбека. Степная поэма / Ю. К. Балков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855040-9

«...Китбуга не знал детских забав. С утра до глубокой ночи Сохор-нойон обучал его воинскому ремеслу и уйгурской грамоте. В девять лет Китбуга одной стрелой убил матерого изюбра с тяжелыми ветвистыми рогами, а в семнадцать уже командовал десятком воинов в отряде одноглазого Субудэя...»

ISBN 978-5-44-855040-9

© Балков Ю. К.
© Издательские решения

Содержание

Ветвь первая	6
Ветвь вторая	9
Ветвь третья	11
Ветвь четвертая	13
Ветвь пятая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Проклятие Баальбека

Степная поэма

Юрий Кимович Балков

Редактор Лариса Анатольевна Балкова (Леонова)

Фото на обложке Анатолий Лакото

© Юрий Кимович Балков, 2018

ISBN 978-5-4485-5040-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В книге Юрия Балкова «Проклятие Баальбека» действие разворачивается в период 1200—1300 годов, времена Чингисхана и монгольских походов.

Главный герой писателя – монгольский воин Китбуга, который в конце книги жертвует своей жизнью во имя продолжения своего Рода (спасая сына, который должен продолжить род Китбуги). Он понимает, что одна человеческая жизнь перетекает в другую: продолжаясь в потомках, человек – бесконечен, бессмертен, жизнь идет дальше, и у души есть возможность вернуться на Землю в новом теле. Духовный выбор стоит выше Земного: погибая, Китбуга проигрывает свою жизнь (меньшее), но спасает ниточку жизни, не дав ей прерваться (большее). Это его земной долг. То же самое он напутствует своему сыну («...напомнил ему о Джасаке» (Законе, который ввёл Чингисхан (Тэмуджин))).

У воина-мамлюка Бейбарса – наоборот, нить жизни прервана: он потерял свою любовь (Сероктен убита Китбугой в бою) и нет потомков. Душа его жаждет лишь мщения.

И пусть соперник не догадывается, за что он боролся и жертвовал собой и лучшими нукерами (воинами), но сам Китбуга знает, ради чего он проигрывает это своё последнее сражение. Он выигрывает Жизнь. По-другому в его понимании нельзя.

Два противоборствующих воина со своими отрядами сходятся на поле боя. Каждый из них защищает свой мир, свои представления, свою любовь.

Тема любви и смерти, долга и нравственного выбора – то, что волновало писателя и то, что никогда не потеряет своей актуальности. Не всегда победа очевидна. Нередко бывает, что при более глубоком анализе – если смотреть дальше – поражение оказывается Победой.

Ветвь первая

В третью луну месяца красных склонов Алга-хатунь увидела сон: ее охраняет тэнгри, одетый в золотые доспехи, а у входа в юрту лежит большая желтая собака. Она спросила у тетушки Уен – что бы это значило, и мудрая старуха, молитвенно сложив на груди смуглые руки, ответила, что к ней приходил светоносный Бодончар, который дал начало всему роду найманов. Он был сыном тэнгри и пятнистой лани Алан гоа. Никто не знает, правда это, нет ли? – но любой найман вырвет сердце тому, кто усомнится в безгрешности Алан гоа.

Алга-хатунь слабо улыбнулась и закрыла глаза. Ей было жаль себя. С тех пор, как рыжебородый Тэмуджин позвал на войну с меркитами славного Чанай-багатура, прошло девять малых кругов времени. Он даже не знает, что скоро у него родится сын.

В Книге Судеб написано, что внук светоносного Бодончара Амбагай сохэр однажды увидел, как в быстроструйной Толе купаются семь прекрасных девушек. Он подкрался к берегу и в зарослях сукая спрятал одежду одной из них. Заметив Амбагай сохэра, девушки с шумом выскочили из воды и превратились в белых лебедей. И только одна из них осталась. С жалобным видом искала она свою одежду, и не могла найти ее.

Амбагай сохэр взял девушку за руку и увел в лесистые горы Хэнтэя, где в ту далекую пору жили голубоглазые динлины. Она подарила ему восемь сыновей. Вот почему про найманов говорят, что они происходят от белых лебедей.

Небо черным войлоком накрыло степь. Алга-хатунь попросила тетушку Уен разжечь огонь в очаге, но едва старуха потянулась к аргальим лепехам, как в тоно сверкнула молния, и трижды прогремел гром. На улице раздались крики:

– Молния ударила в юрту Большого Бурхана!

Зашлись в лае собаки, жалобно заржал жеребец.

Тетушка Уен откинула полог юрты, и Алга-хатунь увидела, как хукерчины выводят из загона испуганных лошадей. Острая боль прошла через все тело. Она стиснула зубы и вцепилась руками в войлочную кошму.

– Абай-бабай, Отец вечно синего Неба, ты един на небесах и на земле, ты живешь в наших помыслах, ты властвуешь над нашими душами, прости нас, грешных. – беззвучно прошептала Алга-хатунь, и тотчас все смешалось и поплыло у нее перед глазами: рвущийся на дыбы жеребец, хукерчин с укрюком, горящее зарево на горизонте...

Когда Алга-хатунь очнулась, она увидела, что тетушка Уен держит на руках кричащего ребенка с огненно-рыжими волосами.

– Радуйся, прекрасная Алга-хатунь, – сказала тетушка Уен. – У тебя родился сын.

Алга-хатунь прижала ребенка к груди и счастливо улыбнулась. Благословенна женщина, родившая сына! Но Чанай-багатур так и не узнал об этом. В безводной степи на границе с владениями Алтан-хана его сразила тяжелая стрела меркитского барласа. Черную весть принес Хасар, брат благословенного вечно синим небом Чингиса. Хасар сказал, что Чанай-багатур был великий воин. Он рубил врагов подобно небесному джанджуну – Ангелу смерти. Алга-хатунь даже не смогла похоронить мужа. Ей сказали, что вместе с другими павшими воинами Чанай-багатур погребен на вершине родовой горы Тэмэгэй, где покой мертвых стережет тысяча храбрых из личной гвардии Чингиса. Нукеры Чаная вернулись с войны, обремененные богатой добычей. Они пригнали гурты овец и стада верблюдов. Их повозки ломились от ковров, бахты и драгоценной утвари. Они привели и рабов: жалких, испуганных, в рваных одеждах. Алга-хатунь приказала отпустить их. Она родилась под свободной звездой и не привыкла видеть рабов в своей ставке. Но многим из них некуда было идти. Алга-хатунь сжалась над ними, дала им одежду, лошадей и быков, и расселила их у предгорий Хэнтэя. На сороковую луну после рождения Китбуги, так Алга-хатунь назвала сына, к ее юрте подошли два странствующих

монаха. Они были в пыльных хитонах из верблюжьей шерсти и круглых войлочных шапках с белыми крестами.

– Мир вам, – сказали монахи и низко поклонились.

– Пусть и с вами пребудут благополучие и счастье, – ответила Алга-хатунь.

– На все воля Божия, – смиренно произнесли монахи. – Слава Творцу, дарующему жизнь и отпускающему грехи.

– Что привело вас сюда? – спросила Алга-хатунь, и монахи ответили, что идут из Диарбекира. Путь их был далек и опасен. Они прошли через царство кызылбашей, спустились с бактрийских гор, и на верблюдах добрались до становищ найманов.

– Уже три века слуги Христа томятся в неволе, – хмуро произнес высокий и стройный монах с худым загорелым лицом и глубоко посаженными темными глазами.

– Мы хотим видеть того, кто спасется сам и освободит наш народ от власти нечестивых, – сказал другой, узкогрудый и нескладный, с длинным крючковатым носом и жесткой седой бородой.

– Почему вы ищите его здесь? – удивилась Алга-хатунь.

– Позволь нам взглянуть на твоего сына.

Алга-хатунь подвела монахов к люльке, где лежал маленький Китбуга, и они долго рассматривали его. Наконец высокий сказал:

– У него голубые глаза и рыжие волосы. Он спасется сам и вокруг него спасутся тысячи.

– Исполнилось пророчество, – поддержал его старый монах, и трижды перекрестил ребенка. – Своими деяниями он превзойдет славного Елюй Амбагана.

Алга-хатунь удивилась еще больше. Откуда чужестранцы знают про Елюй Амбагана – ее далекого предка.

– Я бы не хотела, чтобы Китбуга повторил судьбу беглого вождя киданей, – сказала Алга-хатунь и надолго задумалась.

– Нам было видение, – нарушил молчание высокий монах, – Вдруг сделалось светло и видимо далеко окрест, как если бы на землю снизошла благодать.

– Вы пришли вовремя, – все еще находясь во власти тревожных мыслей, произнесла Алга-хатунь и провела странников в хоймор – место для почетных гостей.

Она велела слугам принести еду и питье. Монахи восславили Господа, но ни к чему не притронулись.

В юрту вошел священник Буха-заарин. Он имел крест и бубен. Все встали, приветствуя его.

Буха-заарин склонился над люлькой, и, ударив в бубен, запел, призывая ангелов-эжинов:

*«От распростертого объятия великого Неба,
Раскинувшейся широко матери Земли,
От золотого солнца и сияния алмазной луны,
От чистых струй Толы и Онона,
От священного огня и благодати монахов,
От сердец богатыря Чаная и прекрасной Алга-Хатунь,
Прими силу, маленький Китбуга.
Пусть сопровождают твою жизнь
Безмерное изобилие и невыразимое счастье.
А, хурый!..»*

На крещение Китбуги пришли лучшие люди всех восьми найманских родов. В отстроенной заново юрте Большого Бурхана с красной медной крышей и позолоченным крестом, гордо вознесшимся над лазоревой степью, собрались также старейшины выносливых урсутов и хаб-

ханасов, стремительных и беспощадных к врагам тубасов и ойратов, мудрых кэраитов и луноликих джаджиратов. Не было только мятежных тайджиутов и меркитов, загнанных на обледелые кручи бактрийских гор.

Чингис объединил разрозненные роды, дал им закон и новое грозное имя. Теперь все стали называться монголами. Он сурово наказал изменников. У тайджиутов вырезали всех, кто перерос колесо арбы. Такая же участь постигла бы и меркитов, но они вовремя покинули родные кочевья, и убежали под защиту Хана-Мелика, надеясь на помощь его многочисленного войска.

Буха-заарин восславил всех, кто пришел на крещение Китбуги.

– Черемухой да степным луком вскормленные, – сказал священник, – Вы доросли до Нойонского Величия. Корнем чжаухасана вспоенные, Вы обрели надобную для праведной жизни мудрость. И да будет с вами мое благословение!

Китбуга не плакал, когда его окунали в холодную воду и окуривали ладаном, который принесли монахи из Диарбекира.

Старейшины одобрительно говорили:

– Он достоин своего отца.

– Воистину это так!

– И да не отступит он от пути, ведущего к Истине!

Не заплакал Китбуга и в тот день, когда впервые упал с коня. А ведь ему было всего три года. Он лежал на каменистой земле и смотрел в бледно-сизое небо, как если бы увидел там что-то удивительное, поразившее его необычайною красотою.

Сохор-нойон, брат отца и старший в роду, поднял Китбугу и снова усадил на коня.

– Запомни, – сказал он. – Конь – твой слуга, когда ты садишься на него. Но если ты падаешь с коня, сам делаешься его слугой.

Китбуга не знал детских забав. С утра до глубокой ночи Сохор-нойон обучал его воинскому ремеслу и уйгурской грамоте. В девять лет Китбуга одной стрелой убил матерого изюбра с тяжелыми ветвистыми рогами, а в семнадцать уже командовал десятком воинов в отряде одноглазого Субудэя.

Сохор-нойон заказал для Китбуги саблю у старого дархана, Мастер выковал клинок из упругой тангутской стали. Когда Китбуга пришел к кузнецу, тот протянул ему саблю и сказал:

– Не вынимай попусту свой клинок из ножен. Защищай слабых и не унижай сильных.

А если вдруг засомневаешься в себе, посмотри на лезвие – и ты узришь в нем нечто от души моей, и на сердце у тебя станет спокойней.

Ветвь вторая

«А если вдруг засомневаешься в себе, посмотри на лезвие – и ты узришь в нем нечто от души моей, и на сердце у тебя станет спокойней».

Китбуга вспомнил эти слова у гнилого, заросшего талой и будараном озера, где одноглазый Субудэй остановил орду.

Чингис послал его наказать глупых меркитов. Они не приняли Джасак и стали изменниками. Но как это сделать? Меркитский Тоохта-беки соединился с кыпчакским Котяном. И теперь у них было вдвое больше воинов, чем у Субудэя. Однако его не зря прозвали Великим Багатуром. Союзники боялись его и не решались напасть первыми.

Китбуга был наслышан о кыпчаках. Старые нукеры говорили, что они хитрее лисицы и кровожаднее шакалов, и вот теперь, чуя добычу, они уже три дня идут за ордой.

В десятке у Китбуги подобралась одна молодежь. Все воины были из разных монгольских племен. Они еще не знали жестоких превратностей войны и нетерпеливо искали встречи с врагом, но Субудэй не разрешал им раньше времени обнаруживать себя.

Китбуга сдружился с молчаливым багатуром Донаем из горного Тубаса, чьи вершины всегда покрыты снегом, и шустроглазым Хабичи, жаждущим подвигов и славы.

Хабичи был младший в роду, и по обычаю баргутов, к чьему племени он принадлежал, носил медную серьгу в ухе и посеребренный пояс. Вынужденное безделье действовало на него угнетающе. Как-то Хабичи увидел на каменистом склоне остроглавой сопки алый цветок кералынь, и, ударив жеребца камчой, стремительно поскакал по степи. Когда он, довольный, что поймал цветок на конец копы, вернулся в строй, Китбуга сделал ему внушение. «Зачем, уподобясь глупому суслику, попусту растрачивать силы? – сказал он. – Они еще пригодятся в бою.»

Ночь пала на землю. На синем шелке неба появилась алая уздечка заката.

Субудэй выдвинул караулы далеко вперед и приказал всем отдыхать, не разжигая костров и не снимая доспехов.

Воины лежали прямо на земле, прижав к телу копы, сабли и стрелы.

Китбуга улыбнулся: Сохор-нойон велел взять ему в поход три пары белья из китайской чесучи. Он сказал, что чистое белье нужно обязательно надевать перед боем: когда в шелковую рубашку попадает стрела, она не разрывает тело, а втягивается в рану вместе с наконечником, и ее легче вытащить.

Китбуга так и не заснул в эту ночь. Он боялся, что враги застанут его врасплох, и мысленно читал Джасак:

«Повелеваем всем веровать в Единого Бога, Творца неба и земли, подателя богатства и бедности, жизни и смерти».

На рассвете Субудэй поднял орду. Скрипуче запели кибитки и арбы. Загыкали встревоженные верблюды.

Китбуга получил приказ соединиться с отрядом безносого Додай-Чербия, замыкающего движение войска. Это было обиднее всего. Его нукеры хотели первыми скрестить сабли с кыпчаками, а их, словно безродных хукерчинов, отправляли сторожить многочисленные табуны степных скакунов и гурты овец.

Субудэй был опытный воин. Он многое повидал на своем веку, и не хотел губить молодежь в мелких стычках и боях, которые не приносят славы.

Орда пришла в движение. Мимо Китбуги проносились сотни воинов в легких кожаных доспехах. Он глотал вязкую пыль, поднятую копытами их коней, и до боли в пальцах сжимал узорчатую рукоять кинжала. Его нукеры редкой цепью вытянулись вдоль песчаного кургана. Лица их были угрюмы и сосредоточены. И только Хабичи по своему обыкновению играл кам-

чой. Но вот показались кэшиктэны, и Китбуга невольно залюбовался их выправкой и снаряжением. Все они были в чешуйчатых кольчугах и высоких шлемах с плоскими забралами. Каждый имел копье, меч и секиру. Колчаны их были полны стрел, а лошади покрыты тигровыми шкурами.

Субудэй ехал на белом верблюде. Он был спокоен. Слабый ветер скользил по высокой собольей шапке.

На знамени орхона был изображен серый кречет – благословенная небом птица.

Китбуга приложил руку к груди и почтительно склонил голову.

Девять коленцев знамени с хвостами яка, подобно ступеням лестницы, ведущей к престолу небожителей и тэнгри, висели один над другим.

Орда шла весь день и всю ночь. А потом еще день и еще ночь. К исходу третьей луны юртаджи донесли, что за рекой видели кыпчу.

Субудэй остановил орду на влажной равнине, заросшей камысом. Во все стороны поскакали гонцы с донесениями.

Тревожное ожидание боя передалось Китбуге и его нукерам. Додай-Чербия успокаивал их: кыпчаки никогда не решатся напасть на Субудэя. Но он ошибался.

Кыпчаки ударили в кожаные дабылбазы и с громкими криками бросились вперед. Их были тысячи. Издали они представлялись Китбуге асурами свирепого Хана Хурмаса, и ему сделалось страшно. Здесь все было чужое: курганы, травы, облака... Он не знал, куда бежать в случае неудачи. Родные степи, монголы называли их державой ранних жаворонков, остались далеко позади. Но Китбуга сумел подавить в себе страх. Он поправил шлем с кожаным наза-тыльником и сказал Донаю, что Субудэй ни с кем не хочет делиться славой. Тот молча кивнул.

Легкие отряды монголов, выпустив стрелы, сошлись с кыпчаками в рукопашной, а потом неожиданно обратились в бегство.

Разгоряченные погоней, кыпчаки не сумели сдержать коней, и со всего маху налетели на кэшиктэнов. Те опрокинули и смяли кыпчакскую лаву. Расстроенные, обезумевшие от страха толпы бросились к реке, но в зарослях камыса их уже поджидали лучники и копейщики.

Один из заблудившихся в степи кыпчакских отрядов выскочил прямо на нукеров Додай-Чербия.

Китбуга вовремя пригнулся. Над головой просвистели две мохнатые кыпчакские стрелы.

Китбуга вынул из сагадака желтоцветный лук с завитками из козьих рогов, и, свесившись с седла, выстрелил в скачущего на него всадника. Тот рухнул вместе с конем.

Додай-Чербия повел нукеров в атаку. Хабичи врзался в самую гущу врагов. Он рубил, как батор смерти, но кыпчаков было слишком много. Китбуга не успел помочь ему. Три рослых кыпчакских барласа в стеганых халатах подняли его на копья.

Донай закричал от ярости и боли. Он бросил саблю обратно в ножны, вынул тяжелую секиру и стал крушить наседавших на него всадников, опрокидывая их вместе с лошадьми. Кыпчаки в ужасе повернули коней, но Китбуга преградил им дорогу. Смуглолицый кыпчак в лисьем малгае и черном кожаном панцире бросил в него копье. Китбуга отбил копье щитом и ударил кыпчака саблей, но тот хорошо принял удар. Он ударил еще раз, и снова сабля ушла в сторону.

Кыпчак успел повернуть коня. Донай едва не достал его волосяным арканом. Китбуга бросился в погоню, но жеребец передними ногами угодил в волчью яму, и он вылетел из седла.

К вечеру все было кончено. На черном фоне мглилась, истаявая, узкая розовая полоса заката. Всюду, куда глаз дотягивал, лежали убитые воины. Подобно безлистому дерисунху торчали копья и стрелы из мертвых тел...

Ветвь третья

Подобно безлистому дерисунху торчали копы и стрелы из мертвых тел...

Со временем эта картина стала для Китбуги привычной. Он пришел к мысли, что не нужно бояться смерти. Книга Судеб пишется на Небесах.

Конь падает на скаку, мужчина погибает в борьбе. И дело не столько в воинском счастье и умении владеть оружием, сколько в том, что сокрыто в душе каждого нукера: в его стремлении к жизни и готовности умереть, если так угодно Судьбе.

Китбуга осознал это на берегу Амуя, где произошла последняя битва с меркитами. Прижатые к реке, они защищались долго и упорно, а когда поняли, что уже никому не выбраться отсюда живым, разожгли погребальный костер, и сначала бросили в него своих жен и детей, а потом сами шагнули в огонь.

Субудэй мог бы захватить мятежного Тоохта-беки, но он дал ему возможность умереть свободным.

Чингис пришел в ярость, когда узнал о гибели меркитского вождя, и приказал орхону не показываться в ханской ставке до тех пор, пока тот не измерит вершины гор глупых сартаульцев, вздумавших приютить у себя кыпчу.

В год Зайца тумэны Субудэя переправились через Амуй. Китбуга вел передовую сотню. Первыми, кого они повстречали на том берегу, оказались кыргызы. На лбу у них были горящие кресты. Китбуга спросил, зачем они это сделали, и кыргызы ответили, что поступили так по совету бродячих монахов из Диарбекира, которые на исходе третьей луны месяца Неистовства, когда солнце вылизало все реки, и скот падал от бескормицы, забрели в их кочевья. И еще кыргызы сказали, что давно враждуют с сартаульцами и готовы сражаться с ними. Слава о непобедимом каане с берегов Керулена уже достигла бактрийских гор, где живут храбрые джабдалы. Кожа у них черна от солнца, а лица словно высечены из камня. Они тоже ненавидят Хана-Мелика, и по зову великого каана могут напасть на сартаульцев с тыла.

Китбуга отослал кыргызов к Субудэю, и тот составил из них отряд лучников и копейщиков.

Орда медленно шла по широкой ковыльной степи. Величавые курганы расплывались в слепящем мареве. Глядя на раскаленные камни и морщинистые русла высохших рек, у Китбуги возникло такое чувство, что Субудэй завел их в подлунное ханство, где живут асуры.

Через три дня юртаджи принесли весть, что началась большая война. Сартаульцы убили послов, и Чингис со всем войском перешел Арайский перевал и предал огню цветущую долину Хорезма.

Субудэй получил приказ соединиться у реки Шин с ойратским Шиги-хутуху, который с налета взял древний Орунгечи, и на его окраине выстроил пирамиду из отрубленных голов.

Отступая, Хан-Мелик бросил даже свой гарем. Он мечтал о власти над миром, а оказался трусливее зайца. Нукеры Китбуги первыми ворвались в его степной дворец, где в одной из расписных комнат обнаружили султанских жен и наложниц.

Китбуга еще никогда не видел столько красивых женщин. Это была бы лучшая награда для его нукеров, но он не посмел нарушить Джасак, который гласил, что хан забирает половину добычи.

Китбуга велел нукерам выйти, и поставил у входа в султанский гарем Доная и двух кебтеулов.

Субудэй похвалил его:

– Ты сохранил для каана богатую добычу, и он щедро отблагодарит тебя.

Китбуга молча поклонился. И хотя он был доволен, что сумел угодить орхону, из головы не шла кареглазая наложница с тонким и гибким, как павлинья джига, станом. Она могла бы осчастливить любого нукера. Такие женщины не созданы для работы. Что станет с нею?.. Тревога не покидала Китбугу до тех пор, пока он не узнал, что Чингис, словно драгоценные камни из короны бежавшего падишаха, распределил его жен и наложниц между своими орхонами.

Хан-Мелик надеялся на помощь сына. Про Джелаль-ад-Дина из Хоросана говорили, что он смелый воин. Но одной храбрости мало, чтобы победить мудрого Субудэя. И Хан-Мелик призвал под свои знамена кызылбашей.

Три дня шел жестокий бой, а на четвертый Джебэ, Тохучар и Шиги-Хутуху ударили на сартаульцев с тыла. Немногим из них удалось спастись. После этой кровавой бойни вся страна оказалась в руках монголов.

Как огненный смерч пронеслись они от Хоросана до Астрабада, от Бамиана до золотых минаретов Хорезма.

Сартаульцы пытались защищать Отрар, но его стены не выдержали ударов стенобитных орудий.

Разорив город, Чингис раскинул свой стан в пустынной степи Барусан-кеер. Он приказал ударить в большой барабан, и позвал на совет орхонов, туманей и беков.

Китбуга тогда впервые увидел каана. Чингис лежал на ложе из белого войлока и смотрел в прорезь шатра. Он был в синей джапанче. Увидев Джебэ-нойона, Чингис похвалил его:

– Когда-то ты именовался Чжир-хоадаем, но, перейдя ко мне от тайджиутов, стал настоящим Джебэ-пикой!

Радость победы была омрачена тем, что сыновья каана, взяв Отрар, не поделились с ним добычей. Заметив в толпе военачальников испуганных Джучи, Чагатая и Угэдэя, Чингис изменился в лице, бросил гневно:

– Ни у кого нет права нарушать Джасак. Я не посмотрю, что вы – мои сыновья, и велю сломать вам хребет.

– Государь! – воскликнул Субудэй-багатур. – Твои сыновья подобны соколам, которых натаскивают на схватку. Они только обучаются бранному житию. Не впали бы царевичи со страха в нерадение. А ведь у нас всюду враг – от заката солнца и до восхода его.

– Ты прав, – сказал Чингис и взмахнул золотым каанским буздыханом. – Повелеваю тебе и Джебэ найти кыпчакского Котяна. Изменники должны быть наказаны.

Субудэй приложил руку к груди, произнес решительно:

– Я найду Котяна. В мире нет места, где кыпчаки смогли бы укрыться от монгольских стрел.

Ветвь четвертая

В мире нет места, где кыпчаки смогли бы укрыться от монгольских стрел...

И это было действительно так. После разгрома на берегах Джейхуна, реки мутной и коварной, поглотившей тысячи гаскервов, хан Котян бросил несчастного Джелаль-ад-Дина, и увел кыпчакскую орду в привольные касожские степи.

Кыпчаки разбили кибитки в каменистой местности Терис-Тустук.

– Что будем делать? – спросил Котян у своего брата Бачмана, тот молча пожал плечами.

– Это наказание за наши грехи, – сказал старый Азарбук. – Много лет мы приносили несчастья соседним народам, и теперь духи покарали нас.

– Зря мы поддержали меркитов, – сокрушенно воскликнул горбоносый Ташукан. – Монголы упорны. Они не успокоятся до тех пор, пока не изведут под корень все наше племя.

– Звезда кыпчаков уже давно закатилась, – вздохнул темноглазый, с багровым шрамом через все лицо, Улган. – Надо отправить карбекчи к Субудэю.

От этих слов у Бейбарса кровь закипала в жилах. Он рвался выступить на совете, но отец взглядом сдерживал его. Негоже молодому хану перебивать старейшин.

– О чем вы говорите, почтенные мурзы и атабеки, – вспыхнул гордый Ярун-бий. – Страх замутил ваш разум. Лучше погибнуть в бою, чем жить в неволе.

– Я согласен с тобой, – поддержал его Бачман. – Монголы не знают жалости. Они вырежут всех, кто перерос колесо арбы. Надо сражаться.

Бейбарс с восхищением посмотрел на отца. Его голос был тверд, как лунный камень в тюрбане несчастного Хана-Мелика.

Котян шелкнул пальцами. В шатер вошли два рослых воина в чешуйчатых бектерах.

– Трубите сбор, – приказал Котян. – Мы выступаем.

Он был старшим ханом, и на войне все подчинялись ему. Но теперь многим было непонятно, зачем покидать касожские степи, где никто пока не угрожает им.

В шатре повисла напряженная тишина.

Котян воткнул кингар в землю, произнес хмуро:

– Здесь мы подобны загнанному зверю, которого со всех сторон обложили охотники. Я попрошу помощи у своего зятя Мстислаба. У него много крепких воинов. Вместе с орусами мы одолеем монголов.

– Да будет так! – воскликнули мурзы и атабеки. – Мы выгоним Субудэя из нашей степи, и вернем Дешт-Ы-Кыпчак прежнюю славу.

После совета Бейбарс пошел к Сероктен, своей невесте. У нее были раскосые, цвета блестящей черной крови глаза и тонкие, похожие на половинки изогнутого лука, брови. Она никогда не заплетала волосы в косы, не занималась шитьем, как другие девушки, не заигрывала с молодыми гулямами.

В походе Сероктен носила тугой кожаный панцирь, на котором были изображены красный зверь, голубая птица и желтое дерево.

Бейбарс подарил девушке феску с павлиньей джигой. Сероктен звонко рассмеялась:

– Вайе, молодой эджегет. Я благодарю тебя за подарок, но было бы лучше, если бы ты принес мне не феску атабека, а голову монгола.

Бейбарс вспыхнул и выскочил из юрты. Тогда он даже помыслить не мог, что скоро навсегда потеряет Сероктен.

На рассвете Котян поднял орду и повел ее на соединение с Мстислабом. Субудэй шел следом.

Оба войска остановились на холмистой равнине Улуг-Ана, ее пересекала узкая бурливая река. Скоро подошли орудия. Они перегородили степь своими червленными щитами.

Небо пылало закатом. Котян скрытно повел орду в обход, но Субудэй предупредил его.

Взревели от ярости ряды железных дада, когда они увидели передовые отряды монголов. Взвизгнули стрелы, и оба войска стремительно понеслись навстречу друг другу.

Бейбарс помнил, как ветер свистел в ушах, как Сероктен обогнала его на своем белом иноходце, как гордо размахивала она саблей. А потом... Что было потом?.. Грудь точно обожгло, стало трудно дышать. Он выпустил поводья, пытаясь вытащить из бектера стрелу, но конь взвился на дыбы, норовя сбросить седока на землю. Падая, Бейбарс увидел искаженное злобой гримасой лицо рыжеволосого монгола, который занес над Сероктен тяжелую саблю.

Ее красная феска с обломанной ветром павлиньей джигой стала медленно набухать кровью...

Ветвь пятая

Ее красная фреска с обломанной ветром павлиньей джигой стала медленно набухать кровью...

Китбуга не испытал радости, когда Субудэй дал под его начало Тысячу Храбрых. Перед глазами стояло окровавленное лицо девушки, медленно сползающей с коня, и судорожно, как выброшенная на лед рыба, хватающей ртом воздух. Не было у него радости и тогда, когда на горизонте показались белые дымы родных кочевий.

Нукеры затянули веселую песню. Каждый из них привез домой богатую добычу, а его торока были пусты.

Сохор-нойон выехал ему навстречу на белом аргамеке. Он сказал весело, что, пока они воевали кыпчу, Чингис разгромил царство Алтан-хана. Сбылась вековая мечта монголов. Дракон был повержен. Чингис разбил хара-китаев, чжурчжэней и чжунсинцев. Взял Чабчиял, Наньгин, Дун-чан и Бегин. Он убил хашинского Бурхана, и теперь никто не будет угрожать найманам с востока. Но и это не обрадовало Китбугу.

Сохор-нойон почувствовал его душевное состояние, спросил, что его угнетает? И Китбуга ответил, что после кровавой битвы с кыпчаками на равнине Улуг-Ана внутри у него словно бы все окаменело. Он перестал радоваться жизни. Ему кажется, что асуры завладели его душой. Надо сходить к Буха-заарину. Он умеет заклинать бесов.

– Хорошо, – согласился Сохор-нойон. – Но после твоего возвращения мы обязательно сыграем свадьбу. У богатура Торалджина выросла прекрасная дочь. Она подарит тебе сына.

Всего три дня пробыл Китбуга дома, а на четвертый взял резной посох с медным набалдашником, и пошел на родовую гору Бурх-а Халдун. Напрасно Алга-хатунь уговаривала сына остаться. Китбуга сказал ей, что асуры отняли у него душу, и он хочет вернуть ее.

По дороге Китбуга поменял свою шелковую нойонскую одежду и высокие кожаные сапоги на дырявый халат простого хукерчина и стоптанные гутулы.

Вроде бы и рядом гора Бурх-а Халдун, а не сразу доберешься до нее. Три луны пробежало в небе, прежде чем Китбуга поднялся на скалистую вершину. Отсюда хорошо просматривалась вся найманская степь. Но не это сейчас занимало его, а маленькие синеокие цветы сагаан-дали. Было непонятно, как они могут расти на безжизненных камнях.

Буха-заарин появился внезапно.

– Я ждал тебя, Китбуга, сын Чаная, – сказал священник. – Ты проделал долгий путь. Но остались ли в тебе силы противостоять асурам?

– Да, – ответил Китбуга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.